

1. За нулем

Природа не знает угасания; она знает лишь преобразование. Все, чему научила и по сей день учит меня наука, укрепляет мою веру в продолжение нашего духовного бытия после смерти.

Вернер фон Браун

По небу раскатился вой. Такое бывало и раньше, но теперь его не с чем сравнить.

Слишком поздно. Эвакуация продолжается, но это все театр. В вагонах нет света. Нигде света нет. Над ним — фермы подъемников, старые, как «железная королева», и где-то совсем высоко стекло, что пропускало бы свет дня. Но сейчас ночь. Он боится обвала стекла — уже скоро — вот это будет зрелище: падение хрустального дворца. Но — в полном мраке светомаскировки, ни единого проблеска, лишь огромный невидимый хряст.

В многослойном вагоне он сидит в вельветовой тьме, курить нечего, чувствует, как металл то дальше, то ближе трется и сталкивается, клубами рвется пар, рама вагона дрожит — наготове, не по себе, остальные притиснуты со всех сторон, немощные, стадо паршивых овец, уже ни везенья, ни времени: пьянь, ветераны, контуженные артиллерией, 20 лет как устаревшей, ловчицы в городских нарядах, отверженные, изможденные тетки с детьми — не бывает у человека столько детей, — сложены штабелями между всем прочим, уготовленным к спасительной транспортировке. Только ближайшие лица разборчивы, да и те — как полупосеребренные образы в видеоискателе, испятнанные зеленою сиятельными лицами, что припоминаются за пуленепробиваемыми окнами, несущимися через весь город...

Тронулись. Вытянувшись в линию, с главного вокзала, из центра города, начинают вжиматься в городские районы, которые старше и разореннее. Есть тут выход?

Лица оборачиваются к окнам, но никто не осмеливается спросить, во всяком разе — вслух. Сверху льет. Нет, так не выпутаться, так только больше *завязаться в узел* — они въезжают под арки, сквозь тайные входы в сгнившем бетоне, что лишь походили на петли тоннеля... некие эстакады почернелого дерева медленно проплыли над головой, и запахи, рожденные углем во дни, отъехавшие в далекое прошлое, запахи лигроиновых зим, воскресений, когда ничего не ходит, кораллообразного и таинственно жизнеспособного нароста, из-за слепых поворотов, из одиноких прогонов, кислая вонь отсутствия подвижного состава, вызревающей ржави — проступают в этих опустошающих днях блистательно и глубоко, особо — на заре, когда проезд ей запечатывают синие тени, — стараются привести события к Абсолютному Нулю... и тем беднее, чем глубже въезжают... развалины тайных городов нищеты, местá, *чьих имен он никогда не слышал*... стены разламываются, крыш все меньше, а с ними — и шансов на свет. Дороге следует выходить на простор трассы, но она ужасает, ухабится, все больше загоняет себя в угол, и тут они вдруг — намного раньше, чем следовало, — уже под окончательной аркой: тормоза кошмарно схватываются и пружинят. Приговор, которому нет апелляции.

Караван замер. Конец линии. Всем эвакуируемым приказано выйти. Двигутся медленно, хоть и не сопротивляясь. У их распорядителей кокарды цвета свинца, и люди эти небогаты. Вот огромная, очень старая и темная гостиница, железный придаток рельсов и стрелок, которыми они сюда приехали... Шары огней, покрашенные темно-зеленым, свисают из-под причудливых железных карнизов, не зажигались веками... толпа движется безропотно, не кашляя, по коридорам, прямым и целесообразным, как складские проходы... бархатные черные плоскости сдерживают движение: запах — старого дерева, отдаленных флигелей, все это время пустых, но только что открытых, дабы приютить наплыв душ, вонь холодной штукатурки, под которой сдохли все крысы, лишь их призраки, недвижимые, будто на скальные росписи, запечатлены упрямо и светло в стенах... эвакуируемых принимают

партиями, лифтом — передвижным деревянным эшафотом, со всех сторон открытым, подымаемым старыми просмоленными канатами и чугунными шкивами, чьи спицы отлиты в форме двояких S. На бурых этажах пассажиры сходят и уходят... тысячи этих притихших номеров без света...

Кто-то ждет в одиночестве, кто-то свои комнаты-невидимки делит с прочими. Невидимки, да — что толку в обстановке, когда вокруг такое? Под ногами хрустит древнейшая городская грязь, последние кристаллы всего, в чем город отказывал, чем угрожал, что лгал своим детям. Каждый слышал голос — тот, что говорил, казалось, только с ним:

— Ты же не верил в самом деле, что тебя спасут. Ладно тебе, мы все уже знаем, кто мы есть. Никто и не собирался хлопотать, чтобы спасти *тебя*, дружище...

Выхода нет. Лежи и терпи, лежи спокойно и не шуми. Не утихает в небе вой. Когда прикатится, прибудет он во тьме — иль принесет с собою свет? Свет придет до или после?

Но свет — уже. Давно ли светло? Все это время свет сочился вместе с холодным утренним воздухом, что овеивает теперь соски: уж являет сборище пьяных транжир, кто-то в мундире, а кто-то нет, в кулаках зажаты пустые или полупустые бутылки, тут один повис на стуле, там другой забился в погасший камин, или же растянулись на всевозможных диванах, не знавших «гувера» коврах и в шезлонгах по разным слоям невообразимо громадного зала, храпят и сопят во множестве ритмов, самообновляющимся хором, а лондонский свет, зимний и эластичный свет растет меж ликами разделенных средниками окон, растет среди пластов вчерашнего дыма, что еще цепляются, истаявая, к навощенным потолочным балкам. Все эти горизонтальные, эти товарищи по оружию — розовенькие, будто кучка голландских крестьян, коим снится беспспорное их воскрешенье в ближайшие несколько минут.

Его зовут капитан Джеффри Апереткин, прозвание — Пират. Он обернут в толстое одеяло, шотландку — оран-

жевый, алый и ржавый. Череп у него — будто металлический.

Прямо над ним, в двенадцати футах над головой, с хоров готов сверзиться Тедди Бомбаж — накануне он предпочел рухнуть как раз в том месте, где кто-то в грандиозном припадке много недель назад пинком вышиб две балясины черного дерева. Теперь же, в ступоре, Бомбаж неуклонно подвигается в проем — голова, руки, туловище, — и вот уже его держит лишь пустой бутылек из-под шампанского в заднем кармане брюк, умудрившийся за что-то зацепиться...

Тут Пирату удается сесть на узкой холостяцкой койке и проморгаться. Какой ужас. Какой блядский ужас... над собой он слышит треск материи. В Директорате Особых Операций Пирата натаскали реагировать быстро. Он спрыгивает с койки и пинком отправляет ее на роликах курсом к Бомбажу. Тот в отвесном падении рушится точно у миделя под мощный аккорд пружин. У койки подламывается ножка.

— Доброе утро, — отмечает Пират. Бомбаж кратко улыбается и снова засыпает, поглубже зарывшись в Пиратово одеяло.

Бомбаж — один из соарендаторов этой фатеры, домика недалеко от набережной Челси, возведенного в прошлом веке Коридоном Тропелом, знакомцем всех Россетти, который носил власяницы и любил возделывать на крыше лекарственные растения (эту традицию в последнее время оживил юный Осби Щипчон): из них немногие оказались стойкими и пережили туманы и морозы, а большинство вернулось ошметками странных алкалоидов в почву крыши вместе с навозом троицы призовых хрюшек уэссекс-сэдлбек, расквартированных там же пре-емником Тропела, вместе со сгнившей листвой множества декоративных деревьев, пересаженных на крышу последующими жильцами, а также случайным несъедобным блюдом, выброшенным или выbleванным туда же тем или иным чувствительным эпикурейцем, — все это в конечном итоге лессировалось ножами сезонов до импасто

не в один фут толщиной, невероятный слой чернозема, где вырастет что угодно, и не в последнюю очередь — бананы. Пират, доведенный до отчаяния нехваткой бананов в военное время, решил выстроить на крыше стеклянную теплицу и убедил приятеля, который челночно летал из Рио — в Асунсьон — в Форт-Лами, умыкнуть ему отводок-другой банана в обмен на немецкий фотоаппарат, ежели Пират в свою следующую парашютную вылазку на таковой наткнется.

Пират прославился своими Банановыми Завтраками. Сотрапезники слетаются сюда со всей Англии, даже те, кто аллергичен или прямо враждебен к бананам, всего лишь посмотреть — ибо политика бактерий, низовка почвы кольцами и цепями сетей одному богу известно с какой ячеей зачастую приводили к расцвету плодов до длины в полтора фута, да — поразительно, но правда.

Пират в уборной стоит и пишет без единой мысли в голове. Затем проникает в шерстяной халат, который носит шиворот-навыворот, чтоб сигаретный карман не торчал на всеобщую потребу — не то чтоб это помогало, — и, огибая теплые тела друзей, пробирается к французскому окну, выскальзывает наружу, где холод лупит его по зубным пломба́м; он стонет и с гулом взбирается по спиральной лестнице в садик на крыше, где ненадолго останавливается, озирая реку. Солнце по-прежнему за горизонтом. Похоже, днем будет дождь, но сейчас воздух примечательно чист. Огромная электростанция, газгольдеры за нею стоят четко: кристаллы, выросшие в мензурке утра, — дымовые трубы, вентиляционные шахты, башни, трубопроводы, заскорузлые выбросы пара и дыма...

— Ххххх, — Пират безгласым ревом, глядя, как дыханье утекает через парапет, — ххххх! — Крыши поутру танцуют. Его гигантские бананы кистятся, лучисто-желтые, влажно-зеленые. У компаньонов внизу слюнки во сне текут по Банановому Завтраку. Сей отдраенный начисто день должен оказаться не хуже других...

Ой ли? Далеко к востоку, внизу розового неба что-то блеснуло очень ярко. Новая звезда, не меньше, иначе б не

заметил. Он опирается на парапет и смотрит. Сверкающая точка уже превратилась в короткую вертикальную белую линию. Должна быть уже где-то над Северным морем... по крайней мере, не ближе... под нею паковый лед, холодный мазок солнца...

Что это? Не бывало такого. Но Пират не лыком шит. Он видел это в фильме, и двух недель не прошло... это инверсионный след. Уже выше на толщину пальца. Но не от самолета. Самолеты не запускают вертикально. Это новая — и по-прежнему Самая Секретная — германская ракетная бомба.

«Свежая почта». Он это шепнул или только подумал? Пират потуже затягивает обтрепанный пояс халата. Ну что — дальнобойность этих штук предположительно больше 200 миль. А инверсионный след за 200 миль не разглядишь, ведь так?

О. О да: из-за кривой поверхности Земли, дальше к востоку, солнце вон там, только что взошло в Голландии, бьет в выхлоп ракеты, в капли и кристаллы, и они сияют по-над всем морем...

Белая линия резко прекратила подъем. Должно быть, отсечка топлива, конец горения, как там у них слово... *Brennschluß*. У нас такого слова нет. Или засекречено. Низ линии, первоначальная звезда, уже тускнеет в красной заре. Но, не успеет Пират увидеть восход, ракета окажется тут.

След — размазанный, слегка раздерганный в две-три стороны — висит в небе. Ракета, перейдя в чистую баллистику, уже поднялась выше. Но стала невидима.

Он разве ничего не должен делать?.. выйти на связь с оперативным штабом в Стэнморе, у них она должна быть на радарх Канала — нет: вообще-то нет времени. От Гааги досюда меньше пяти минут (за столько успеть разве что до чайной на углу... свету солнца достичь планеты любви... вообще нет времени). Бежать на улицу? Предупредить остальных?

Сорвать бананы. Он тащится по черному компосту к теплице. Такое чувство, что сейчас обосрется. Реактив-

ный снаряд на высоте шестьдесят миль должен уже дойти до пика своей траектории... начать падение... *вот...*

Фермы пронизаны солнечным светом, молочные панели благотворно сияют сверху. Как может быть зима — даже такая — серой настолько, чтобы состарить это железо, способное петь на ветру, или затуманить окна, что открываются в иное время года, пусть и обманчиво законсервированное?

Пират смотрит на часы. Ничего не доходит. Чешутся поры на лице. Опустошив разум — трюк десантника, — он делает шаг во влажную жару своего бананника и приступает к отбору спелейших и лучших, подхватив полы халата, чтоб было куда сбрасывать. Позволив себе считать лишь бананы, передвигаясь с голыми ногами среди висячих связок, среди этих желтых канделябров, в тропических этих сумерках...

Снова наружу, в зиму. След совершенно пропал с неба. Пот лежит у Пирата на коже холодом почти ледяным.

Не спеша Пират зажигает сигарету. Он не услышит, как эта дрянь прилетит. Она летает быстрее звука. Первое известие о ней — взрыв. А потом, если ты еще тут, слышишь, как она прилетает.

А если ударит *точно* — ахх, нет — на долю секунды хочешь не хочешь, а ощутишь, как самый кончик со всей ужасной массой сверху лупит тебя в макушку...

Пират горбится, таща свои бананы вниз по штопору лестницы.

По голубой плитке внутреннего двора в кухню. Распорядок: включить американский блендер, прошлым летом выигранный у янки — слегонца в покер, ставки стола, офицерские квартиры где-то на севере, теперь уж и не вспомнить... Несколько бананов порубить на куски. Сварить кофе в электрическом кофейнике. Из ледника достать бидон с молоком. В молоке размять бананы. Чудненько. *Обволоку любой желудок в Англии, разъеденный*

бухлом... Кусочек маргарина, понюхать — вроде не про-
тух, растопить в сковороде. Почистить еще бананов, по-
резать вдоль. Маргарин шипит — в него длинные ломти-
ки. Разжечь духовку — *хуумп*, однажды мы тут все с тобой
на воздух взлетим, ой, ха-ха, н-да. Почищенные целые
бананы отправляются на решетку, едва та раскаляется.
Найти марשמеллоу...

Шатаясь, вступает Тедди Бомбаж — на голову накин-
нуто Пиратово одеяло, — поскользывается на банановой
кожуре и хлопается на жопу.

— Убиться, — бормочет он.

— Немцы тебе помогут. Угадай, что я видел с крыши.

— V-2 летела?

— Ага, А4.

— Я смотрел из окна. Минут десять назад. Чудная,
скажи? А потом ни звука, а? Видать, недолет. В море, что
ли, вошла.

— Десять минут? — Пытаясь распознать время по
часам.

— Минимум. — Бомбаж сидит на полу, вправляет ба-
нановую кожуру в лацкан пижамы вместо бутоньерки.

Пират идет к телефону и все-таки звонит в Стэнмор.
Процедуры не избежать, она, как водится, очень, очень
длинна, но Пират уже не верит в ракету, которую видел.
Ради него сощипнул ее Господь с безвоздушных небес,
точно стальной банан.

— Апереткин на проводе, у вас вот только что ничего
из Голландии не пицало. Ага. Ага. Да, мы ее *видели*. —
Вот так и отбивают у людей вкус к восходам. Он вешает
трубку. — Они ее потеряли над береговой линией. Обо-
звали «недоношенный *Brennschluß*».

— Выше нос. — Тедди отползает обратно к разбитой
койке. — Не последняя.

Старина Бомбаж, какой ты добрый — всегда найдешь,
чем утешить. Несколько секунд, ожидая беседы со Стэн-
мором, Пират стоял и думал: обошлось, Банановый Зав-
трак спасен. Но это лишь отсрочка. Не так ли. И впрямь
ракета не последняя, и с той же вероятностью любая при-

землится ему на голову. Сколько их, точно не знает никто по обе стороны фронта. Доведется ли за небом не следить?

Осби Щипчон стоит на хорах, в руке едва ли не самый большой Пиратов банан — торчит из ширинки полосатых пижамных штанов; другой рукой гладя гигантский желтушный изгиб, обращенными в потолок триолями на чetyре четверти Осби приветствует зарю нижеследующим:

Волоки свой костлявый зад к окну
(на, сожри ба-нан)
Зубы почисть и вали на войну.
Всюду покой — взмахни рукой,
Грезам скажи «прощай».
Мисс Грейбл загни, мол, не до возни,
До самой победы — бывай, о,
А на гражданке жизнь без проблем,
(на, сожри ба-нан)
Шипучки — залейся, девчонок — гарем, —
Но надо бы парочке фрицев дать в морду,
Так что сверкни нам улыбкою бодрой,
И напомним, что велено час назад:
Подымай-ка с пола костлявый зад!

Имеется и второй куплет, но не успевает распетушившийся Осби в него углубиться, как на него напрыгивают и основательно колошматят — отчасти его же тучным бананом — среди прочих, Бартли Кустерв, Дековерли Сиф и Майер («Саксофонка») Мыш. В кухне маршмеллоу с черного рынка томно расплзается сиропом на Пиратовой водяной бане и вскоре уже густо булькает. Варится кофе. На деревянной вывеске паба, дерзко при свете дня стыренной пьяным Бартли Кустервом и по сей день сохранившей резьбу «Машина и багор», Тедди Бомбаж крошит бананы громадным равнобедренным ножом, из-под нервного лезвия коего Пират одной рукой сгребает бледненькое пюре в вафельное тесто, напружиненное свежими куриными яйцами, на которые Осби Щипчон обменял равное число мячиков для гольфа, каковые текущей зимой дефицитнее настоящих яиц, а проволочной мутовкой

в другой руке замешивает — не слишком рьяно, — и сам разобиденный Осби тем временем, то и дело прикладываясь к полупинтовой молочной бутылки, где пополам «ВАТ-69» и воды, надзирает за бананами на сковороде и решетке. У выхода на голубой двор Дековерли Сиф и Пат Териц стоят подле бетонной масштабной модели Юнгфрау, которую некий энтузиаст когда-то в двадцатых целый год мучительно моделировал и отливал, обнаружив затем, что макет слишком велик и не проходит в двери, и лупят склоны знаменитой горы красными резиновыми грелками с ледяными кубиками, дабы измельчить лед для Пиратовых банановых фραπε. Дековерли и Пат с их суточной щетиной, колтунами, покрасневшими глазами и миазмами гнилостного дыхания — измочаленные боги, подхлестывающие копотливый ледник.

В домике прочие собутыльники выпутываются из одеял (один обезветривает свое, грезя о парашюте), мочатся в раковины ванной, потрясенно разглядывают себя в гнутых зеркальцах для бритвы, без особого плана плещут воду на редеющие волосы, сражаются с «сэмами браунами», ввиду грядущего дождя мажут жиром ботинки, от чего руки уже устали, напевают обрывки шлягеров, коих мелодии не обязательно помнят, лежат, полагая себя согретыми, в кляксах нового солнца, что пробралось между средних ков, опасливо заговаривают о делах, потихоньку примеряясь ко всему, что, не пройдет и часа, придется делать, пенят шею и лица, зевают, ковыряют в носу, перерывают книжные шкафы и горки в похмельных поисках клина, что вышибет клин, который, с-собака безусловная, истыкал их ночью не то чтобы совсем без повода.

И теперь по комнатам, вытесняя застарелый ночной дым, алкоголь и пот, разрастается хрупкий адамово-смоквичный аромат Завтрака: цветочный, вездесущий, удивительный, больше зимнего солнца, он берет верх не грубой едкостью либо количеством, но скорее витиеватой сложностью сплетенья молекул, у них с кудесником обшая тайна, коей — хоть и нечасто Смерти столь недвусмысленно рекомендуют отъебаться, — повязан лабиринт

живых генетических цепей, что сохраняет человеческое лицо десять или двадцать поколений... и то же самое структурное притязание запускает банановый дух военного утра виться, отвоевывать, побеждать. Есть ли причины не распахнуть все окна до единого, не позволить этому благотворному запаху окутать Челси? Заклятием от падающих объектов...

Грохоча стульями, перевернутыми снаряжными ящиками, скамьями и оттоманками, Пиратова банда собирается на берегах обширного трапезного стола, южного острова через пару-другую тропиков от зябких средневековых фантазий Коридона Тропела; темную полированную круговерть орехового столового плоскогорья заполонили теперь банановые омлеты, сэндвичи с бананом, банановая запеканка, банановое пюре, вылепленное в форме восставшего британского льва, замешанное с яйцами в тесто для французских тостов, выдавленное через насадку на дрожашие кремовые просторы бананового бланманже и завитое в слова «*C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre*»¹ (приписываемые французскому наблюдателю, обозревавшему Атаку Легкой Кавалерии), каковые Пират присвоил в качестве девиза... высокие графинчики блеклого бананового сиропа — источать на банановые вафли, гигантский глазурованный кувшин, где бананы с лета бродят в обществе дикого меда и мускатного изюма и откуда в это зимнее утро изливаются пенные кружки банановой медовухи... банановые круассаны, и банановый креплах, и банановая овсянка, и банановый джем, и банановый хлеб, и бананы, залитые обжигающим древним бренди, которое Пират в прошлом году привез из одного подвала в Пиренеях, где также наличествовал подпольный радиопередатчик...

Телефонный звонок, раздавшись, с легкостью продирается сквозь комнату, похмелья, обжиманцы, звон тарелок, деловую болтовню, горькие смешки, точно вульгар-

---

¹ «Это великолепно, однако не война» (фр.). — *Здесь и далее примеч. переводчиков.*

ный металлический пердежный дуплет; наверняка по мою душу, понимает Пират. Бомбаж, который ближе всех, снимает трубку, и вилка с *bananes glacées*¹ изящно застывает в воздухе. Пират напоследок черпает медовухи, горлом чувствует, как она всасывается, будто время пришло, время летней безмятежности, глотает.

— Твое начальство.

— Так нечестно, — стонет Пират, — я с утра еще даже не отжимался.

Голос, который Пират слышал лишь однажды — в прошлом году на брифинге, руки и лицо зачернены, аноним меж десятка других слушателей, — сообщает, что в Гринвиче ждет послание, Пирату адресованное.

— Доставлено весьма пленительным манером, — голос пронзителен и разобижен, — у *меня* таких умных друзей нет. Вся *моя* корреспонденция прибывает почтой. Заберите, Апереткин, будьте любезны.

Трубка обрушивается на рычаг с оглушительным *кэк*, связь обрывается, и теперь до Пирата доходит, куда приземлилась утренняя ракета и отчего не было взрыва. И впрямь свежая почта. Он глядит сквозь солнечные контрфорсы, на сотрапезников за столом, что барахтаются в банановом изобилии, густой нёбный скулеж их голода заблудился где-то в протяженности утра между ними и Пиратом. Сотня миль, и так внезапно. Когда на одиночество находит стих, оно даже в ячейх этой войны хватает его за слепую кишку и трогает, как сейчас, собственнически. Снова Пират где-то за окном, смотрит, как посторонние завтракают.

Прочь, на восток через мост Воксхолл, в побитой зеленой «лагонде» везет его крылатый вестовой супергерой, некто капрал Уэйн. Кажется, чем выше солнце, тем больше холодеет утро. Тучи все-таки собираются. Бригада американских саперов высыпает на дорогу, направляется на расчистку окрестных руин, распевая:

---

¹ Засахаренные бананы (*фр.*).

Здесь...

Холоднее ведьминских сосков, эхма!
Холодней бадьи пингвиньего дерьма!
Холодней волос в заду у алеута!
Холодней, чем иней на фужере брюта!

Нет, они придуриваются, будто народники, но *я-то* знаю, они из Ясс, от Кодряну, *его* люди, члены Лиги, они... да они убьют за него — они же принесли *присягу!* Менья пытаются кокнуть... трансильванские мадьяры, они же *заклятья* знают... шепчут по ночам... Так-так — хррум — а вот, хе-хе, и подкралось Пиратово Состояние, когда он, по обыкновению, не ждал — ну и вполне можно сейчас свернуть: то, что в досье именуется Пиратом Апереткином, есть странный талант... в общем, влезать в чужие фантазии: то есть даже способность взять на себя бремя *привлечения* ими — в данном случае фантазиями румынского беженца-роялиста, который в ближайшем же будущем может оказаться полезен. Сей дар Фирма полагала замечательно благопотребным: в такое время незаменимы лидеры и прочие исторические персонажи в здравом рассудке. И какими еще банками и пиявками высосать у них избыток тревоги, нежели найти того, кто возьмет в свои руки их мелкие изнурительные грезы... заживет в неярком зеленом свете их тропических убежищ, под бризами их пляжных домиков, выпьет их коктейли из высоких бокалов, пересядет, дабы расположиться лицом ко входу, в их публичных местах, не позволит их невинности пострадать более, чем она уже успела... поймееет их эрекцию при наплыве мыслей, какие среди врачей слывут недопустимыми... заботится всего, всего, чего они не могут себе позволить бояться... вспоминая слова П. М. С. Блэккетта: «Взрывами эмоций войну не раскочегаришь». Замурлычь придурочную мелодийку, которой тебя научили, и постарайся не слажать:

О да, я —
Тот, кто фан-тазирует чужи-е гре-зы
У меня их болячка болит,

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. За нулем	7
2. Un Perm' au Casino Hermann Goering	253
3. В Зоне	389
4. Противодействие	853